А. С. Дёмин

ОБМАНЧИВОСТЬ «ЖИТИЯ» КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИДЕЯ «ПОВЕСТИ О ГОРЕ-ЗЛОЧАСТИИ»

Об одном из самых ярких, даже, можно сказать, ярчайших шедевров древнерусской литературы – «Повести о Горе-Злочастии» – за полтора века учеными написано немало ярких же и глубоких работ – Ф. И. Буслаевым, А. Н. Пыпиным, В. Ф. Ржигой, В. И. Малышевым, Б. Н. Путиловым, Д. С. Лихачевым, А. М. Панченко, Л. И. Алёхиной и др.[1] При всем том историко-литературная характеристика этой повести пока далека от исчерпанности хотя бы потому, что многочисленные, просто бесценные изобразительные мотивы в произведении (несмотря на дефектность единственного дошедшего списка) еще предстоит исследовать, чтобы понять авторскую художественную идею повести, отнюдь не совпадающую с ее прямыми нравоучениями и все еще как-то неясную для нас.

Категория «художественная идея» приложима не ко всем произведениям древнерусской литературы XVII в., но как раз подходит для понимания смысла «Повести о Горе-Злочастии», в частности для определения авторского взгляда на соотношение хорошего и плохого в жизни. К категориям хорошего и плохого автор «Повести» обращался постоянно и многократно: упоминал зло («зла не думаи», «от всякого зла», «злу не доставили» – л. 424 об.) и упоминал добро («добру божливи», «на добро учения» – л. 423 об., 431); называл одних персонажей злыми («зло племя человеческо» – л. 423, «зло то Горе», «злое Горе... что злая ворона» – л. 429, 432 об.), а других персонажей называл добрыми («люди добрыя» – л. 426 об. – 428, 431 об. – 432; «доброи молодецъ» – л. 427, 428, 432– 432 об.; «добрых красных женъ» – л. 424); даже разного рода дела и состояния автор определял как добрые или злые («добрыя дела», «пословицы добрыя» – л. 424, «въ славе доброи» – л. 432,

«безъживотие злое... злую немерную наготу и босоту» – л. 423 об., «во зломъ злочастии», «злое злочастие» – л. 429, 429 об. и т. п.).

Автор «Повести», по-видимому, исходил из пессимистического, даже трагичного представления о том, что все хорошее всегда подпорчено. В этой связи знаменательна противоречивость деталей в целом ряде эпизодов памятника (по принципу: от хорошего все приходит к плохому). Так, в начале «Повести» автор отметил, что «будетъ Молодецъ в разуме, въ беззлобии» (л. 424) [2], но тут же разоблачительно уточнил, что «Молодец был в то время се мал и глупъ, не в полномъ разуме и несовершен разумомъ» (л. 424 об. – 425).

Далее. В начале же «Повести» родители поучали Молодца о том, как жить; первая их заповедь: «Не ходи, чадо в пиры и в братчины»; и сразу же вслед за этим: «не садися ты на место болшее, не пеи, чадо, двух чар за едину» (л. 424), – значит, родители допускали, что чадо может и нарушить их завет, придти на пир, напиться, лечь в какое-то «место заточное», быть ограбленным и т. д. Затем родители запрещали Молодцу: «Не дружися, чадо, зъ глупыми-немудрыми», с теми, кто занимается грабежом; но родители продолжили наставления: «не думаи украсти-ограбити» (л. 424 об.), – значит, допускали, что Молодец все-таки может подружиться с «глупыми-немудрыми» и подумывать о грабеже. Словом, автор и хотел бы, чтобы Молодец был во всем хорош, но что-то не заладилось с самого начала.

Подобная смена деталей у автора «Повести» в направлении от хорошего к плохому заметна и дальше, в изображении автором «людей добрых», которые действуют в двух эпизодах произведения, когда Молодец посещает этих учителей жизни. Главное качество «людей добрых», которое подробнее всего показал автор «Повести» в первом же эпизоде, это их материальная обеспеченность: у них «двор, что градъ, стоитъ; изба на дворе, что высокъ теремъ; а в избе идетъ великъ пир почестенъ»; в их «избе» висят прекрасные иконы, и Молодец кланяется «чюднымъ образумъ»; стоит добротная мебель, так что Молодца сажают «за дубовои столъ»; на пиру вволю «пьютъ, ядятъ, потешаются» (л. 426 об.).

Но, как можно выяснить из текста «Повести», не так уж «великъ» и «почестенъ» пир, так как проходит он всего-то «в ызбе». Гости заняли места «по отчине», но упоминание автором того, где кто сидит, указывает и не на такой уж высокий статус собравшихся: «место среднее, где седятъ дети гостиные» позволяет представить возглавляющих «болшее место» – это купцы, наверное; а место «меншее» занимают те, кого к пречестным участникам и причис-

лить нельзя, – «милые дети» и какие-то «глупыя люди немудрыя». Хотя реалии довольно забубенной пирушки автор «Повести» сопроводил облагораживающими фольклорными эпитетами, однако все эти «чудные образа» на стенах и «дубовые столы» в избе, возможно, были не более чем условностью. Богатство «людей добрых» не такое большое, каким может показаться.

Неоднозначно авторское изображение и поведения «людей добрых». С одной стороны, «люди добрыя» у автора демонстрируют верх любезности: когда Молодец пришел к ним, то «емлють его люди добрыя под руки» (л. 426 об.). Они же настойчиво разъясняют Молодцу принятое у них главное правило жизни – смиренная доступность: «не буди ты спесивъ... смирение ко всемъ имеи и ты с кротостию... то тебе будетъ честь и хвала великая... за твое смирение и за вежество» (л. 428).

Но, с другой стороны, автор показал этих любезных «людей добрых» не так уж легко доступными. Они посадили Молодца за стол только тогда, когда убедились в его подчеркнуто старательном «вежестве»: «крестил онъ лице свое белое... бил челомъ онъ добрымъ людем на все четыре стороны; а что видятъ Молотца люди добрые, что гораздъ онъ креститися, ведет онъ все по писанному учению» (л. 426 об.). В наставления «людей добрых» об обязательной обходительности поведения вдруг вкрадывается инородный элемент – настояние о необходимости замкнутости: «а чюжих ты делъ не обявливаи; а что слышишь или видишь, не сказываи» (л. 428). Наконец, «люди добрыя» не оставили раскаявшегося у Молодца у себя (как можно было бы ожидать по традиционному ходу сюжета о путнике-госте), а сослались на то, что его какие-то другие «люди отведаютъ», и Молодец ушел. Кстати говоря, во втором эпизоде «люди добрыя» хотя тоже «напоили-накормили» и одели Молодца, но тут же от него отделались: «ты поди на свою сторону» (л. 432). «Люди добрыя» не совсем то, чем кажутся сначала; хорошее на самом деле обманчиво.

Авторское представление о движении хорошего к плохому выразилось в многочисленных сюжетных линиях «Повести», когда хорошее неизменно заканчивалось плохим и почти никогда наоборот. Такова, например, жизнь Молодца. Хотя родители учили Молодца только хорошему, и ему было обещано все хорошее («не будетъ тебе нужды великия, ты не будешь въ бедности великоя»; «в радост себе, и въ веселие, и во здравие» – л. 424, 425), все переменилось к плохому; и Молодец подчеркнул мотив неблагоприятных перемен: родительское «благословение мне от них *миновалося*... все

имение и взоры у мене *изменилися*, отечество мое *потерялося*, храбрость молодецкая от мене *миновалася*»; Молодца постигли «бедность... скудость, и недостатки, и нищета последняя», «великия многия скорби неисцелныя и печали неутешныя» и т. д. (л. 427 об.). Вся «Повесть» насыщена конкретными деталями резких перемен к худшему в одежде, внешности, действиях и окружении Молодца. И ожидаются в будущем, безусловно, тоже перемены только к худшему в судьбе Молодца: «хотя в синее море ты поидешъ рыбою... быть тебе, рыбонке, у бережку уловленои, быть тебе да и съеденои, умерети будетъ напрасною смертию» (л. 433–433 об.).

На авторское представление о неуклонной смене хорошего плохим указывает повествование буквально о всех персонажах произведения; например, «мил надеженъ другь назвался Молотцу названои братъ» (л. 425), да и жестоко обманул Молодца; все прочие друзья – не лучше: «наживал Молодецъ пятьдесят рублевъ – залезъ онъ себе пятьдесятъ друговъ... Какъ не стало денъги, ни полуденги, – такъ не стало ни друга, ни пол-друга» (л. 425, 426).

В «Повести о Горе-Злочастии» нет персонажей, на которых не была бы брошена тень. Вот, например, вне подозрений должна быть любимая невеста Молодца, которую он присмотрел себе «по обычаю» (л. 428 об.). Однако Горе-Злочастие пытается внушить сомнения Молодцу: «Откажи ты, Молодецъ, невесте своеи любимои. Быть тебе от невесты истравлену, еще быть тебе тое жены удавлену, из злата и сребра бысть убитому» (л. 429 об.). Хотя этому предупреждению Молодец «не поверовал», но он так и не женился. Авторское ощущение безжалостной смены добра на зло, вероятно, отразилось в данном эпизоде (тем более что Горе при этом побуждает Молодца ни о чем хорошем не жалеть: «*Не жали* ты, пропиваи свои животы» и пр.).

И все же встречается в «Повести» ситуация, когда действие вопреки обычной авторской логике развивается как будто от плохого к хорошему. Молодец в очередной раз идет «на чужу страну далну незнаему. На дороге пришла ему быстра река, за рекою перевощики... не везутъ Молотца безденежно» (л. 430); но потом перевозчики смилостивились: «перевезли Молотца за быстру реку, а не взели у него перевозного» (л. 432); а там «люди добрыя» напоили-накормили оголодавшего Молодца. Но оказалось, что доброту перевозчиков и заодно «людей добрых» предсказало Молодцу именно Горе в обмен на его покорность: «поклонися мне, Горю, до сыры земли... и ты будешъ перевезенъ за быструю реку, напоятъ тя, накоръмят люди добрыя» (л. 430–431 об.); это в точности и исполни-

лось, Молодец действовал по наводке Горя, которого никого «нетъ... мудряя на семъ свете» (л. 431 об.). То есть ни в чем хорошем автор повести не был уверен.

Авторская неуверенность в хорошем сохранялась буквально до последней фразы «Повести», когда автор в заключение упомянул своих современников – «нас». Этот редкий собирательный персонаж был еще упомянут только в начале «Повести»: Бог «все смиряючи *насъ*, наказуя и приводя *нас* на спасенныи пут[ь]» (л. 424). Что же будет с «нами»? Конец «Повести» отвечает на вопрос: «Избави, Господи, вечныя муки, а даи *намъ*, Господи, светлы раи» (л. 433 об.), – то есть автор подразумевал возможность обоих вариантов для «нас»: и «вечной муки», и «светлого рая»; в хорошем уверенности не было: «человеческое сердце несмысленъно и неуимчиво» (л. 423).

Дало о себе знать в «Повести о Горе-Злочастии» и явно скептическое отношение автора к добру. «Повесть» насыщена саркастическими высказываниями, в сущности, отрицающими наличие реально чего-либо хорошего, – хорошее на самом деле является плохим. Так, Молодец саркастически отозвался о своей жизни: «Житие мне Богъ дал *великое*: ясти-кушати стало нечево» (л. 426), – великое житие, то есть голодное. Далее саркастически же сообщается, какую жизнь Молодцу прочит Горе: «научаетъ Молотца *богато* жить: убити и ографити, чтобы Молотца за то повесили или с каменемъ въ воду посадили» (л. 433 об.), – богато жить, то есть быть казненным. Горе лживо внушает Молодцу: «На себя что купить, то проторится, а ты, удал Молодецъ, *и такъ живеш*», – за хорошую жизнь выдаются «нагота, и босота безмерная, легота, безпроторица великая» (л. 429 об.); и Молодец соглашается с подменой: «Когда у меня нетъ ничево, и *тужитъ* мне *не о чемъ*» (431 об.), – беззаботная жизнь, то есть нищенская. Когда Молодец покорился Горю, то «запелъ онъ хорошую напевочку от *великаго крепкаго разума*» (л. 431 об.), – саркастичность этого авторского замечания несомненна: крепость – это в действительности слабость. Молодец сам определил суть своей жизни: «что мне быти *белешенку*, а что родился головенкою» (л. 432), – белое оказалось черным.

Или, например, Горе хвалит перед Молодцем свою родню и себя: «А вся родня наша *добрая*, все мы гладкие-умилные. А кто всемъ к нам примешается, ино тот между нами замучится» (л. 432 об.), – ясно, что Горе издевательски переосмыслило эпитет «добрый», – ведь, кстати говоря, само Горе в «Повести» вовсе не выглядит упитанным, гладким-умильным: «серо Горе горинское»

(л. 429), «босо-наго, нетъ на Горе ни ниточки, еще лычкомъ Горе подпоясано» (л. 430 об.).

Всю «Повесть» пронизывает отвергающий все хорошее саркастический мотив фальшивого богатырства и молодецкости главных героев. В качестве образцового собрания богатырских мотивов в повестях XVII в. сошлемся на «Повесть о Еруслане Лазаревиче», на обе ее редакции – на так называемую «восточную» редакцию и на полную сказочную редакцию. «Повесть о Горе-Злочастии» содержит большое количество фразеологических параллелей с предшествующей ей «Повестью о Еруслане». Мы ограничимся только двумя эпизодами.

Когда Горе реально появилось перед Молодцем, то оно как бы превратилось в богатыря и «*багатырскимъ голосомъ воскликало*: “Стои *ты*, Молодецъ, *меня*, Горя, *не уидешъ никуды*”» (л. 430). Параллели находим в «Повести о Еруслане», где неоднократно рассказывалось, что богатырь Еруслан «*кликнул богатырским голосом*» и что фантастический персонаж «Чюдо о трех головах» тоже «*кликнул богатырским голосом*» (вост., с. 39, 59)[3], а также что Еруслан «свиснул *богатырским голосом*» (вост., с. 37, 60, 62). Содержание грозной речи Горя сходно с речью другого богатыря в «Повести о Еруслане» – «Вольного царя, Огненнаго копья, Пламенного щита», который грозил Еруслану: «и *ты* у *меня не уйдешъ никуды*» (сказ., с. 315).

Молодец реагировал на речь Горя, как на речь богатыря: «*видит* Молодец *неменучюю*, покорился Горю...» (л. 431 об.). Аналогия в «Повести о Еруслане»: речь Еруслана выслушивает «князь Иванъ, руской богатырь... И *видитъ* князь *неминучюю* беду» и подчиняется Еруслану (сказ., с. 306).

Однако проявления богатырства Горя на самом деле выглядели даже комически в этом эпизоде, где Горе представало совершенно босым и нагим.

То же саркастическое отношение автор «Повести» выразил и к деяниям Молодца. Вот «от сна Молодецъ пробужаетца»; и далее: «И вставал Молодец на белыи ноги, учалъ Молодецъ наряжатися: обувал он... надевал он... покрывал онъ свое тело белое, умывал онъ лице свое белое... Самъ говоритъ таково слово... Пошелъ онъ на... страну далну...» (л. 425 об. – 426 об.), – так богатырь снаряжается в поход. Ср. «Повесть о Еруслане»: «И Еруслан пробудился и, встав, молвил... И Уруслан умывся» (вост., с. 40–41); «а самъ говоритъ таково слово» (сказ., 302, 303); «и поехал... в далную землю» (вост., с. 39, 47, 54).

Но на самом деле снаряжение Молодца самое жалкое: он пробуждается после пьянства, с него «все слуплено», он обувает «лапотки-отопочки» и надевает «гунку кабацкую»; ему «срамно»; скрываясь от позора, он уходит куда-то далеко и не без боязни – «на чюжу страну, далну, незнаему». Богатырство обернулось жалкостью.

И далее в «Повести» можно найти только двусмысленные упоминания о молодецкости Молодца. Так, Молодец поминает свою «храбрость молодецкую», но в том смысле, что она от него «миновалася» (л. 427 об.), хотя ни о каких прошлых проявлениях молодецкой храбрости в «Повести» не рассказывается. Упоминается и «хвастан[ь]е молодецкое» (л. 428 об.), но, увы, не богатырско-воинское, а «своим богатествомъ». Молодца называют «удалым», но, оказывается, за его наготу-босоту (л. 430). «Вставал Молодецъ на скоры ноги» (л. 430 об.), но какие же они скорые, если «уже три дни... не едал... Молодецъ ни полукуса хлеба» и хочет утопиться в реке; в этом состоянии он поет «молодецкую напевочку» (л. 432), но не храбрую, а жалобную по содержанию. В конце «Повести» «полетелъ Молодецъ яснымъ соколомъ» (л. 433), – но это он не напускается на врага, а бежит от него. Вся молодецкость Молодца тут же снижается саркастическим контекстом. Ничего хорошего вовсе и нет.

В целом, различные оттенки в авторском представлении о поглощении хорошего плохим были обусловлены обобщающей идеей автора об обманчивости почти всего в мире. И действительно, автор постоянно повторял в «Повести» мотив обмана, лжи, прельщения, неправды и лукавства. По авторской мысли, эта беда началась еще с Адама и Евы: «*прелстилъся* Адамъ со Евою» (л. 423); а затем «зло племя человеческо в начале пошло... к советному другу *обманчиво*» (л. 423 об.); потом и Молодца «мил надеженъ другъ... *прелстил* его речми *прелесными*» (л. 425), и Молодец принялся за «*лестное* питие пьяное» (л. 427 об.); несмотря на то что на Молодца был обрушен целый вал предостережений («не думаи... *обмануть-солгать* и *неправду* учинить; не *прелщаися*, чадо, на злато и сребро... [не] буди послух *лжесвидетелству*»; «не *лсти* ты межь други и недруги... не веися змиею *лукавою*» – л. 424 об., 428), в конце концов он пал жертвой лукавства же: на него «Горе *излукавилос*» (л. 429, 429 об.).

Самым полным воплощением обманчивости у автора явилось Горе-Злочастие. У него много обликов в «Повести». Горе напоминает зыбкого призрака. Оно хочет «в людех жить», но не может просто так среди них появиться: оно, незримо находясь где-то, лишь подслушивает речи Молодца и задается странным вопросом: «Какъ

бы мне Молотцу появитися?», а потом только «во сне Молодцу привиделос» (л. 429); и вторично – во сне; и в третий раз – не при свете дня, а когда «день до вечера миновался» (л. 430 об.). Горе напоминает и нечистого духа при третьем своем появлении, – судя по приложенному к нему эпитету (Горе предлагает: «Покорися мне, Горю *нечистому*», и Молодец «покорился Горю *нечистому*» – л. 430–431 об.). Наконец, Горе напоминает оборотня: то во сне Молодцу оно явилось архангелом Гавриилом; то, вероятно в сумерках, «у быстри реки скоча Горе из-за камени» в виде какого-то полностью обнаженного существа (л. 430 об.); то во время своего четвертого явления Молодцу, уже на чистом поле, Горе «учало над Молодцемъ граяти, что злая ворона над соколомъ» (л. 432 об.), потом полетело «белымъ кречатомъ» и «серым ястребомъ», затем предстало, быстро меняя обличье, по-видимому, то в облике охотника «з борзыми вежлецы», то в облике косаря «с косою вострою», то вообще в виде группы рыбаков «с щастыми неводами» (л. 433).

Горе-Злочастие у автора иногда вдруг как бы раздваивается на два отдельных существа, ведущих себя каждое по-разному: например, в результате того, что некоторые люди с Горем «боролися», «от них Горе миновалось, а Злочастие на их въ могиле осталос» (л. 429); похожее происходит и далее: «то Горе избудетца, да то злое Злочастие останетца» (л. 429 об.). И тут же Горе говорит о себе как о сдвоенном существе: «А мне, Горю *и* Злочастию, не в пустеже жить» (л. 429). А потом Горе предстает уже, скорее, как одно и то же существо, обозначенное синонимами: «А Горе пришло с косою вострою, да еще Злочастие над Молотцемъ насмиялося» (л. 433). Горю свойственна зловещая многоликость, изощренная обманчивость, чем Горе многих людей и «перемудрило» (л. 429).

Обманчивость чего именно утверждал автор? Ф. И. Буслаев считал, что главной темой «Повести» являлась «вся жизнь человеческая... жизнь русского человека вообще... Поэт хотел изобразить жизнь человека вообще» [1]. Однако цель автора, пожалуй, была все же более конкретной, о чем свидетельствует его фразеология. Слова «житие» и «жити» автор необычайно часто повторял с самого начала и до самого конца «Повести о Горе». Особенно настойчиво мысль о «житии» автор выразил по поводу своего главного героя – Молодца. О том, что «Повесть» посвящена именно «житию» Молодца, автор сказал, завершая произведение: «А сему *житию* конец мы ведаемъ» (л. 433 об.), – под словом «житие», разумеется, понималась жизнь Молодца, а не жанр произведения. О внимании автора к «житию» Молодца свидетельствовали постоянные возвра-

щения к этой теме в тексте «Повести»: Молодец высказывался о том, какое «*житие*» ему дал Бог (л. 426) и чем он недоволен от своего «*жития*» (л. 430 об.); Молодцу советовали вспоминать «*житие* свое» (л. 431). Автор «Повести» развернул целую историю о жизни Молодца, пояснив, как Молодец «хотелъ *жити*» (л. 425, 431), но спрашивал: «какъ мне *житъ*» (л. 428); его учили, как ему «жить», и старались на «дела наставлять» (л. 424, 431, 433 об.); и успокаивали: «и такъ *живеш*» (л. 430); и Молодец справился: «учалъ онъ *жити* умеючи» (л. 428 об.).

Автора «Повести», естественно, интересовала жизнь и других персонажей, однако в гораздо меньшей степени. Так, однажды автор изложил рассуждения Горя, как оно хочет «в людех *житъ*» (л. 429); или напомнил историю жизни Адама и Евы – как Бог «повелелъ имъ *жити*» (л. 423), и посетовал на то, как «учали *житъ*» последующие роды человеческие (л. 423 об.).

В общем, обманчивость «жития» людей, в первую очередь его современников, и была главной художественной идеей автора «Повести о Горе-Злочастии», выраженной в образах, сюжетах и предметных деталях.

Художественная идея об обманчивости жизни роднит «Повесть о Горе-Злочастии» в первую очередь с сатирическими и юмористическими произведениями XVII в., но автором «Повести» эта идея выражена несравненно богаче, полнее и острее.

Ближайшая задача состоит в выяснении идейно-исторических причин формирования такого представления и в постановке вопроса об общественном настроении разочарованности жизнью у средних и низших слоев населения России второй половины XVII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Панченко А. М.* Повесть о Горе-Злочастии // Словарь книжников и книжности Древней Руси: XVII век. Кн. 3. СПб., 1998. С. 106–110. См. также: *Алехина Л. И.* Образ Горя-Злочастия (к вопросу о мировоззрении автора «Повести о Горе-Злочастии») // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1994. Сб. 7, ч. 2. С. 313–322.

[2] Текст памятника цит. по факсимиле рукописи в кн.: *Симонии П. К.* Повесть о Горе-Злочастии, как Горе-Злочастие довело Молодца во иноческий чин, по единственной сохранившейся рукописи XVIII века // СОРЯС. СПб., 1907. Т. 83. № 1. Пагинация листов рукописи указывается в скобках. Орфография рукописи передается с упрощениями.

[3] Далее «Повесть о Еруслане Лазаревиче» цит. по двум редакциям: 1) так называемая «восточная» редакция, список РГБ, собрание Ундольского,

№ 930. См.: *Капица Ф. С.* Восточная редакция «Повести о Еруслане Лазаревиче» // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1992. Сб. 4; 2) полная сказочная редакция, список РНБ, собрание Погодина, № 1773. См.: Повесть о Еруслане Лазаревиче // Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Кн. 1 / Текст памятника подгот. Н. С. Дробленкова. М., 1988. При цитировании название соответствующей редакции повести и страницы изданий указываются в статье в скобках.

[4] *Буслаев Ф.* О литературе: Исследования. Статьи / Изд. подгот. Э. Л. Афанасьев. М., 1990. С. 221.